

УДК 726.5

*БОРИСОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, канд. архит.,**borisov-sv@inbox.ru**Московский архитектурный институт,**107031, г. Москва, ул. Рождественка, 11*

ЕВРОПЕЙСКАЯ СТИЛИСТИКА XVIII–XIX ВЕКОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ХРАМОСТРОЕНИИ

В статье проанализировано современное применение европейской стилистики XVIII–XIX вв. в православных храмах. Данная тема актуальна в связи с поисками путей развития православной архитектуры. Рассмотрены некоторые примеры православных храмов XVIII–XIX вв. Разработаны рекомендации по проектированию православных храмов в европейской стилистике. Проведенный анализ подтверждает, что барокко, классицизм и ампир, не претендуя на широкое использование в современном церковном строительстве, уместны при историко-архитектурном обосновании их применения.

Ключевые слова: православный храм; проектирование; классицизм; ампир; барокко; стилистика; объемно-планировочная композиция.

*SERGEY V. BORISOV, PhD, A/Professor,**borisov-sv@inbox.ru**Moscow Architectural Institute, (State Academy),**11, Rozhdestvenka Str., 107031, Moscow, Russia*

EUROPEAN ARCHITECTURAL STYLES OF THE 18TH – 19TH CENTURIES IN MODERN RUSSIAN TEMPLE CONSTRUCTION

The article analyzes the current application of the European architectural styles of the 18th – 19th centuries in building of Orthodox churches. This relevant problem covers development paths of Orthodox architecture. The article includes examples of Orthodox churches built in the 18th–19th centuries and gives recommendations on Orthodox church design using the European style. The analysis confirms the permissibility of using Baroque, Classicism, Empire styles in modern church construction.

Keywords: Orthodox church; design; Classicism; Empire; Baroque; architectural style; space-planning composition.

Введение

Образ христианского храма начала XXI в. является сложным и во многом неразрешенным в настоящее время вопросом. В особенности эта проблема актуальна для православной традиции, насильственно прерванной в своем естественном развитии на многие десятилетия XX в., времени, когда теория и практика архитектурного формообразования решительно порвала с наследием предшествующих эпох. Одним из немногих традиционных фундаментальных направлений в архитектуре, зачастую считающимся ее синонимом, является интерпретация ордерной классики, уверенно существовавшая в XX в. и перешедшая в XXI столетие. Представляется, что корректное уча-

ствие данного направления в формировании образа современного православного храма позволит помочь преодолению разрыва между историей и современностью. Однако активное применение ордерных систем заключает в себе ряд опасностей для православного храмостроения, находясь более в традиции западных конфессий.

В настоящее время западноевропейская стилистика, господствовавшая в российской архитектуре XVIII – середины XIX в., многими исследователями признается принципиально чуждой православному зодчеству. Современное строительство неоклассических храмов часто неодобрительно встречается клириками и прихожанами, хотя образ сельской церкви в среднерусских областях в значительной мере ассоциируется именно с постройками рубежа XVIII–XIX вв. Подобные храмы во множестве возведены в барских усадьбах (рис. 1) при перестройках и расширениях обветшавших сельских церквей. Следует понять, насколько допустимо использование опыта храмостроения тех времен в современной церковной архитектуре, будут ли соответствовать подобные церкви отечественной канонической традиции, иными словами, привычному для большинства прихожан образу храма.



Рис. 1. Классицистические храмы в дворянских усадьбах. Церковь Троицы Живоначальной. Арх. Н.А. Львов. Проект конца XVIII в. Усадьба Прямухино Бакуниных. Тверская обл., Кувшиновский р-н (рис. автора)

О постепенном «размывании» типологической специфики храмов в западноевропейской культуре

Начиная рассматривать обозначенный нами вопрос, остановимся на одной из существенных причин, вызывающих отторжение западноевропейского

влияния на архитектуру православных храмов, причем не только среди духовенства, но и большинства прихожан, в целом составляющих Русскую православную церковь. На протяжении столетий христианские храмы во всем своем разнообразии составляли четко очерченную типологическую группу, выделяясь среди прочих общественных и жилых зданий не только доминирующими размерами, но и присущими им устойчивыми во времени композиционными решениями, совокупностью объемно-пространственных элементов. Однако с течением времени происходило постепенное размывание границ между разными решениями храмов и общественных зданий в основном в западноевропейской традиции.

Не ставя в настоящей работе задач рассмотрения особенностей современной архитектуры западноевропейских конфессий в ее связи с изменениями в богословии, отметим один из основополагающих, на наш взгляд, моментов. Так, продолжая тенденцию «обмирщения», понимаемую как стирание границ между христианской церковью и мирской жизнью, многие современные католические и протестантские постройки утратили специфические черты, позволяющие узнавать в них именно христианские храмы. Известный своей литургической реформой, декларацией о религиозной свободе и многими другими решениями, вызванными стремлением «обновить» церковь, Второй Ватиканский собор (Ватикан, 1962–1965 гг.) окончательно разрушил преграды, удерживавшие архитектуру христианских храмов от кардинальных изменений и разрыва с традициями.

В объемно-планировочной композиции некоторых из христианских храмов принадлежность к зданиям религиозного назначения угадывается только благодаря кресту, расположенному на щипце кровли или включенному в декор фасадов. Подобные постройки, в большинстве своем задуманные и решенные интересно и оригинально, соответствуя изменчивой архитектурной моде прошлого столетия, могут быть одновременно концертными залами, музеями, любыми другими общественными зданиями. Здесь речь идет не о функциональных особенностях храмов, безусловно, имеющих прямую связь с христианским богослужением, а о свободном образном решении [1, с. 95].

Приведем достаточно выразительный пример (рис. 2), предшествующий на полтора столетия упомянутому Ватиканскому собору, – находящиеся неподалеку друг от друга городская ратуша (1788–1799) и кафедральный собор св. Станислава (1782–1801) в г. Вильнюсе, Литва, спроектированные архитектором Л. Гуцявичюсом [2, с. 26]. Пристроенные колонные портики большого ордера отмечают главный фасад обеих построек, прямоугольных в плане. Аналогичный тип зданий, по своему образу восходящий к античным базиликам, использовался и для купеческих бирж, банков. При отсутствии в композиционном решении доминирующих элементов (купольного объема и колоколен) христианские храмы-базилики, выполненные в классицизме или ампире, выделялись лишь своими значительными размерами и монументальным масштабом ордерных деталей.

Отмеченное нами явление входит в противоречие с положениями подробно разработанной на протяжении XX столетия архитектурной типологии, а именно: зданиям определенной функциональной принадлежности следует

отличаться своими архитектурными решениями (объемно-планировочная композиция, образно-художественные особенности) от других построек аналогичного типа. Иными словами, здание школы будет явно отличным от близкого по объему административного корпуса или медицинского учреждения – то же относится, очевидно, и к христианским храмам.



Рис. 2. Отсутствие типологических границ между христианским храмом и зданием светского назначения (фото автора):

a – здание бывшей городской ратуши. 2-я пол. XVIII в., г. Вильнюс, Литва; *б* – ордер главного портика кафедрального собора. 2-я пол. XVIII в., г. Вильнюс, Литва

Рассматриваемый вопрос имеет непосредственную связь с понятием функциональности в архитектуре. Так, одним из критериев функциональности, помимо планировочной структуры и взаимосвязи помещений, конструктивных и иных решений, является соответствие образного решения здания его назначению. Не вызывает сомнений, что для храма, чей облик не идентифицируется большинством прихожан с данным типом здания, не решены вопросы функциональности, которым в современной архитектурной науке и практике отведено столь значимое место. Именно абсолютизированная тенденция «обмирщения» вызывает в настоящее время устойчивое для Русской православной церкви отторжение современной «западноевропейской» стилистики. Неприятие, имеющее более глубокие корни, относится к продолжению традиций античности в российском храмовом строительстве, несмотря на то, что храмы средневековой Европы и Византии во многом основывались на архитектурно-конструктивных системах позднеантичного Рима.

Самобытность композиционных решений православных храмов в России XVIII – первой половины XIX в.

Полностью оформившееся к XI в. разделение восточной и западной христианских церквей сказалось на различии путей развития древнерусской и западноевропейской архитектуры. Архитектура Древней Руси, начиная с первых известных нам храмов, отличалась своеобразием и синтетичностью, аккумулируя византийские образцы, местные традиции и наследие сопре-

дельных территорий. Типологическое, композиционное, архитектурно-конструктивное и декоративное разнообразие свидетельствует об истинной свободе творчества средневековых храмовых строителей в рамках правильно понимаемого в духовном плане канона.

На протяжении столетий существовало неприятие духовенством и народом в целом богословских и эстетических идей, мирным или насильственным путем пришедших с христианского Запада. В этой связи отметим выдающееся значение отвержения Флорентийской унии 1439 г., предпринятого великим князем Василием II. В начале XVII в. в России усилилось отрицание западных богословских идей, вызванное Брестской унией 1596 г. и последовавшими за ней жестокими репрессиями на православное население Литвы, Польши и исконных западнорусских земель. Подобное явление только нарастало, усиленное разорениями, учиненными в Смутное время военными отрядами, пришедшими в основном из католической и отчасти протестантской Польши. Отголоски этой вражды были еще сильны в конце XVII в., что следует из многочисленных обвинений в западно-христианских идеях монахов-богословов, прибывавших из Киевской митрополии в Москву.

Взаимопроникновение культур, безусловно, присутствовало на протяжении всего периода отечественного Средневековья. Существенное влияние романской архитектуры на зодчество Владимиро-Суздальской Руси отмечено историком архитектуры М.В. Зубовой [3, с. 183]. Общеизвестно приглашение великим князем Иоанном III итальянских зодчих для масштабного строительства в Москве. По-настоящему серьезное «вторжение» элементов западноевропейской ордерной архитектуры проявилось в общем композиционном построении и декоре храмов только на рубеже XVII–XVIII вв. Тенденция эта заметно усилилась, поддерживаемая государственной регламентацией, заняв господствующее место в архитектуре почти на полтора столетия.

Однако отечественные и «западные» направленности в архитектуре за предельно короткий отрезок времени образовали в храмостроении удивительно устойчивый и самобытный сплав. В России храмы, решенные в различных вариантах западноевропейской стилистики, в большой мере сохранили канонические традиции православия [4, с. 61–71] – существенными здесь оказались, по мнению автора, глубинные общехристианские корни. Так, объемно-планировочные композиции храмов, получившие широкое распространение в XVIII – первой половине XIX в., в основном сложились в предшествующие столетия. Рассмотрим некоторые из них (рис. 3, 4), образованные наиболее традиционными объемно-пространственными элементами – главным четвериком, трапезной и одним или двумя приделами (они обобщенно представлены на моделях, разработанных автором).

Отчетливо видно, что архитектурные формы этих храмов не находятся в прямой зависимости от их планировочных композиций. Так, храм с одним приделом, пристроенным к трапезной или четверику, без каких-либо внутренних противоречий решается в формах позднего ампира или «кирпичного узорья» времен царя Алексея Михайловича (рис. 3).

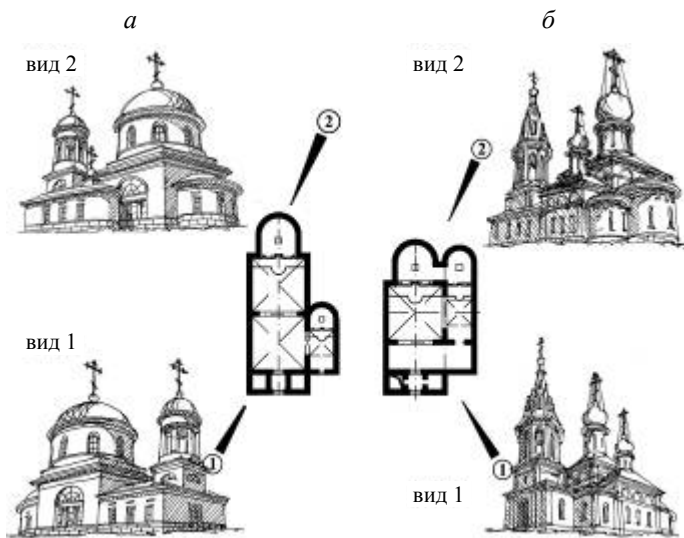


Рис. 3. Применение традиционных композиционных схем приходских храмов в XVIII–XIX вв.:

а – модель храма с одним приделом, пристроенным к трапеznой. Условная стилистика ампира; *б* – модель храма с одним приделом, пристроенным к четверику. Условная стилистика XVII в.

Аналогичные особенности присущи и для храмов с двумя приделами (рис. 4).

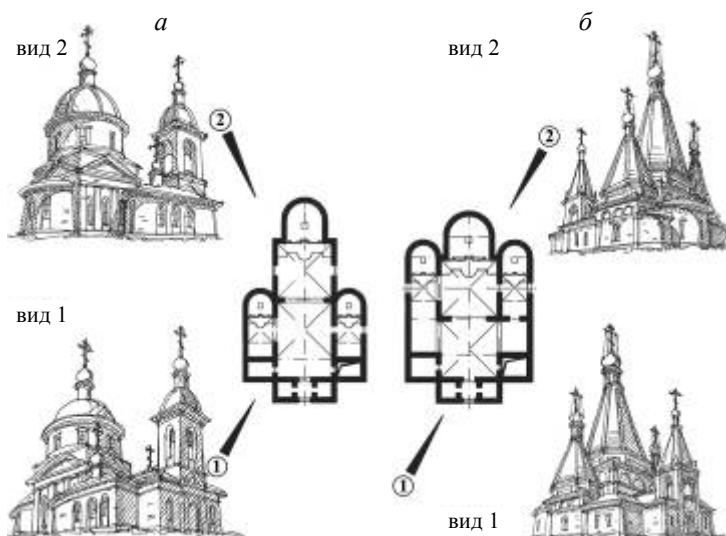


Рис. 4. Применение традиционных композиционных схем приходских храмов в XVIII–XIX вв.:

а – модель храма с двумя приделами, пристроенными к трапеznой. Условная стилистика классицизма; *б* – модель храма с двумя приделами, пристроенными к четверику. Условная стилистика XVI в.

Параллельно с официально поддерживаемой стилистикой, ориентированной на западноевропейскую культуру, существовала и «народная» традиция в сельских районах России, отдаленных от ее центра. Несмотря на активное строительство, в них зачастую не было ни одной церкви, строго выдержанной в «западных» стилях. Здесь мог наблюдаться переход от храмов, на протяжении XVIII – начала XIX в. причудливым образом совмещавших традиции позднего XVII столетия с европейской архитектурой, к постройкам периода эклектики 1840–1850-х гг. Продолжавшаяся практика возведения церквей строительными артелями как по «образцовым», так и по собственным проектам следовала средневековым традициям. Не угасало и деревянное зодчество, создавшее в XVIII в. выдающиеся по своим архитектурным качествам храмы. В сельских храмах, значительно превосходящих по числу городские, на протяжении XVIII–XIX вв. сохранялась, по-своему развиваясь, самобытная российская церковная архитектура, творчески переработавшая многие архитектурные формы, относящиеся к западноевропейской культуре.

Отметим, что многие распространенные объемно-планировочные схемы церквей времен барокко, классицизма, ампира продолжили композиционные решения русского зодчества предшествующих веков и не являются чужеродными для отечественной канонической традиции. Исключением являются храмы, где чрезмерно вольно трактуются устойчивые требования православной архитектуры: например, постройки с неоправданно усложненными планировками, сочетающими многочисленные эллиптические, циркульные формы, а также нетрадиционные по геометрическому построению.

В качестве примера приведем Владимирскую церковь (рис. 5, *a*), в основании плана которой лежит равносторонний треугольник.

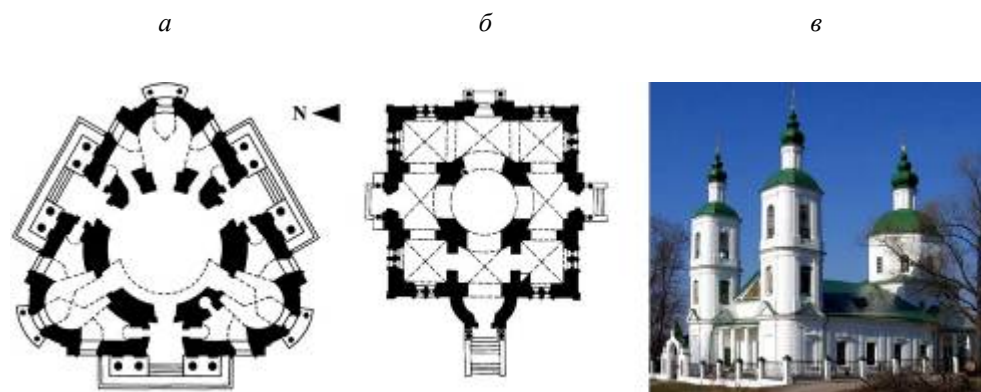


Рис. 5. Архитектурные решения храмов, не типичные для отечественной канонической традиции:

a – Владимирская церковь, 1772–1777 гг., план. Усадьба Виноградово, г. Долгопрудный, Московская обл. [5, с. 224]; *б* – церковь Вознесения Христова, кон. XVIII – нач. XIX в., план. Перемилово, Московская обл., г. Яхрома [5, с. 148]; *в* – церковь Воскресения Христова, реконструкция конца XVIII в., вид с юго-запада, Молоди, Чеховский р-н, Московская обл. (фото: <http://sobory.ru/photo>)

К данной группе отнесем и храмы, не следующие основным каноническим [2, с. 62] образцам – отсутствие апсиды в восточной части и вход с запада через единственную полукруглую экседру в церкви Вознесения Христова (рис. 5, б). План этого храма оказывается зеркально отображенным относительно оси «север – юг». Нетипично для России применение двух колоколен, фланкирующих западный вход в церкви Воскресения Христова, – данный прием более характерен для западноевропейской архитектуры (рис. 5, в). Подобные храмы XVIII – первой половины XIX в., нарушающие основные традиции отечественного храмостроения, составляют немногочисленную группу построек; многие из них выполнены в стилистике псевдоготики. Большинство церквей, возведенных в ампире, классицизме, барокко, сохраняют привычные для России объемно-планировочные решения, которые могут быть приняты для творческой интерпретации в современных поисках образа православного храма.

Вопросы применения ордерных систем в православном храмовом строительстве России

Совместима ли православная архитектура и четырех- или шестиколонный портик, полусферический купол на широком барабане-ротонде, многоярусная колокольня с арочными проемами и ордерным декором? Здесь уместно вспомнить о понятии рецепции, упомянутом в «Апологетике» протоиерея В.В. Зеньковского. По его словам, «...на пути рецепции язычества Церковь принимала все те истины, всю ту правду, какие могло содержать в себе язычество, исходя из того убеждения, что источник всякой истины есть Бог» [6, с. 211]. Как первые христианские храмы и постройки итальянского ренессанса, так и привнесенные в Россию барокко, классицизм, ампир имели своей основой языческую архитектуру античной Греции и Рима. Не вызывает сомнения, что ордерные системы указанных стран были идеальным, отточенным до мелочей выражением существовавших на то время идейных, конструктивных, функциональных, художественно-декоративных принципов архитектуры. Следуя приведенной выше цитате из работы В.В. Зеньковского, они могли быть приняты христианством. Присущая античной традиции значимость «...статики постройки, обеспеченной ее прочностью...», отмеченная историком архитектуры Л.И. Таруашвили [7, с. 45], впервые осмысленное понятие тектоники как эстетического выражения работы конструкций явились жизнеспособной основой для дальнейшего развития христианских храмов, в том числе при создании объемно-планировочных и конструктивных схем, не имевших аналогов в прошлом.

Пользуясь общими принципами архитектуры, основанной на античном наследии, очевидно, не следует копировать относящиеся непосредственно к языческим культам декор, барельефы и символы. Не будут традиционными для России чрезмерно активные христианские по сюжету трехмерные скульптурные композиции, характерные для католических храмов. Применение подобных элементов весьма ограничено в России – здесь уместно вспомнить храм-ротонду Рождества Пресвятой Богородицы (1714–1754 гг.) в усадьбе Подмоклово, Московская область, Серпуховский район, и столпообразный

храм иконы Божией Матери Знамение (1690–1704 гг.) в Дубровицах, Московская область, Подольский район (рис. 6, *а*). Трехмерная скульптура с неохотой принималась во времена реформ Петра I – святитель Митрофан, епископ Воронежский, под угрозами казни требовал снять «изображения языческих богов» (статуи) с императорской резиденции. Отметим высказывание императрицы Елизаветы Петровны, уместное для многих насыщенных объемной скульптурой (рис. 6, *б*) иконостасов: «...на иконостасе вместо Ангелов поставлены разные болваны, наподобие купидонов, чего наша Церковь не дозволяет...», сказанные ею при освящении первого храма Благовещения Пресвятой Богородицы Конногвардейского полка в Петербурге (не сохранился) 4 июня 1741 года [8, с. 571].



Рис. 6. Трехмерная скульптурная декорация в православных храмах:
а – церковь иконы Божией Матери Знамение (1690–1704 гг.), Дубровицы, Московская обл., Подольский р-н (фото: <http://i027.radikal.ru>); *б* – иконостас церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы (к. XVIII в.), Московская обл., г. Дмитров (рис. автора)

Архитектура барокко, классицизма, ампира, лишенная не свойственных православию декоративных элементов, нисколько не теряет своей целостности. В некоторых подмосковных церквях первой трети XIX в. от элементов классицизма остаются только общая объемная композиция и неперменные портики, иногда плоские (пилястровые), карнизы, руст [2, с. 63]. Подобные храмы решены в наиболее строгих ордерах – в их числе церкви Святителя Николая (1816–1819 гг.), Ачкасово, Московская область, Воскресенский район; Ильи Пророка (1834 г.), Московская область, г. Коломна. При следовании основным принципам построения плана и объема, характерным для православных храмов, уместно применение рассматриваемых нами стилей в вариациях, исключающих излишнюю перегруженность декором.

Осознавая общность истоков христианской архитектуры и стремясь показать преемственность Российской империи по отношению к Константино-

полю, в конце XVIII в. архитекторами была предпринята попытка соединения традиций Византии и господствовавшего в то время классицизма. В рамках «греческого проекта», исследованного историком архитектуры И.Е. Путягиным [10, с. 116–120], в Софийском соборе Царского Села (Ч. Камерон, при участии И.Е. Старова, 1782–1788 гг.) совмещены образное и отчасти конструктивное решения храма Святой Софии в Константинополе и традиции классицистических соборов (рис. 7, а). К 1813 г. относится конкурсный проект храма Христа Спасителя (рис. 7, б), архитектор А.Н. Воронихин [9, с. 36], почти на два десятилетия предвосхитивший академическое направление «русского» стиля 1830–1850 гг.

а



б



Рис. 7. Традиция Византии и Древней Руси в системе классицизма:

а – Софийский собор Царского Села, 1782–1788 гг., арх. Ч. Камерон, И.Е. Старов, Санкт-Петербург, г. Пушкин (фото: <http://www.temples.ru>); б – проект храма Христа Спасителя, 1813 г. арх. А.Н. Воронихин [9, с. 36]

Аналогичные поиски существовали в Западной Европе – на рубеже XVII–XVIII вв. английский архитектор К. Рен, находившийся в рамках классицистического мышления, тактично включал в проекты лондонских церквей готические элементы. Данное обращение к архитектуре христианского Средневековья не являлось романтизмом или эклектикой, как отмечает историк архитектуры Ю.Н. Герасимов [11, с. 122], а всецело строилось на принципах классицизма, оказывающегося предельно гибкой архитектурной системой. Подобные «эксперименты», выполненные мастерами классицизма, убедительно показывают – поиски общности корней западноевропейской и восточно-христианской архитектуры являются плодотворным источником современного применения традиций, восходящих к античности.

Рекомендации по применению европейской стилистики XVIII–XIX вв. в современном храмовом строительстве

Представляется, что данное направление, способное корректно синтезировать объемно-планировочные и декоративно-художественные элементы, относящиеся к различным эпохам, является наиболее близким к задачам современного использования «европейской» стилистики в православном храмовом строительстве. Сказанное относится и к расширению типологии применя-

емых композиционных и конструктивных схем за счет строительства купольных ротонд, имеющих глубокое символическое обоснование в культуре Византии, иногда включенных в крестообразное планировочное решение. Отметим применение древнего базиликального, т. е. соответствующего осям «восток – запад» и «север – юг» расположения малых глав в составе пятиглавых храмов. Характерное для указанного направления упрощение и геометризация архитектурных деталей «большого ордера» или ярусных композиций ордерных систем находится в русле современной архитектурной практики.

Проведенный в настоящей статье анализ позволяет утверждать, что барокко, классицизм и ампир, не претендуя на широкое использование в современном церковном строительстве, вполне уместны при наличии подробного историко-архитектурного обоснования их применения. В качестве примеров приведем церкви (рис. 8), построенные или в непосредственной близости от реконструируемой барской усадьбы, или при возведении нового храма на месте разрушенной классицистической постройки [2, с. 64]. Необходимость современного неоклассического (необарочного) придела – пристройки [12, с. 31] или отдельно стоящей часовни с музейными условиями хранения [13, с. 126] возникает при передаче православной святыни – музейной ценности в приходскую церковь, решенную в аналогичной стилистике. Иными словами, основное условие возведения современного неоклассического храма заключается в создании архитектурного ансамбля, не допускающего других образных решений.



Рис. 8. Современные неоклассические храмы в усадебной застройке (проекты автора):
a – усадебный комплекс, г. Донецк, Украина (общий вид парковой зоны, развертка усадебного дома и храма); *б* – часовня, п. Екатериновка, г. Москва (западный фасад и план)

Применение тех или иных планировочных схем в рамках наследования классицистической традиции находится в зависимости от типологической принадлежности проектируемого храма. Для крупной соборной постройки уместна традиционная крестово-купольная схема, возможно, с удлинненными

«ветвями» креста, образованного главным нефом и трансептом. Интересный результат принесет применение крестообразного плана с упомянутым выше расположением глав, аналогичным купольной базилике.

Приходскому храму соответствует большее разнообразие композиционных решений, обусловленных множественностью структурных частей храма, различных по функциональному наполнению. Средней частью (кафоликоном) приходского храма будут являться архитектурные формы, построенные на квадратном, ротондальном, октогональном планах (рис. 9, *а*). При необходимости устройства дополнительных помещений: приделов, трапезной, притвора – они пространственно подчинятся основному храму, соответствуя осевым планировочным построениям и четкой иерархии объемов (рис. 9, *б*).

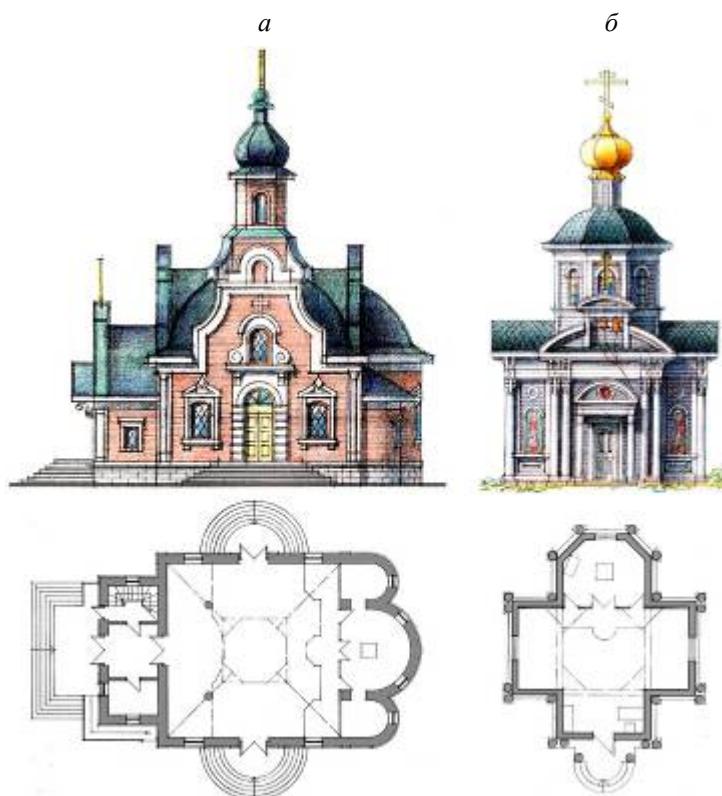


Рис. 9. Приходские храмы (проекты автора). Современное прочтение:

- а* – московского барокко, храм Святителя Николая, г. Стрежевой, Томская обл.;
б – «деревянного» классицизма, храм Святителя Николая, г. Москва, ул. Арбат

Отбирая для проекта храма средства художественной выразительности, следует исходить из уместности декора с точки зрения православной символики, не допуская чрезмерного насыщения сложно-проработанными ордерными элементами. Свой выбор лучше остановить на детальной проработке пропорциональных членений храма, выражающих его тектонику при помощи руста, карнизов, плоских пилястр и арочных ниш, скромных надоконных сандриков. Продолжая упомянутое выше направление в архитектуре классицизма

ма, позволяющее синтез различных по исторической обусловленности элементов, можно подумать о включении деталей, интерпретирующих византийскую или иную архитектуру эпохи раннего христианства. Упрощение декора храмов соответствует наиболее распространенным в настоящее время строительным технологиям на основе сочетания железобетонного каркаса и кладки из керамических или иных стеновых изделий с оштукатуренными или накладными деталями из искусственного камня (рис. 10).



Рис. 10. Отделочные технологии в неоклассических (необарочных) современных зданиях светского назначения, уместные при возведении храмов (проекты автора):
а – оштукатуривание архитектурных деталей по кирпичной кладке (усадебный дом, Вырицы, окрестности Санкт-Петербурга); *б* – архитектурные детали из естественного (искусственного) камня, накладываемые на плоскость фасада (особняк, Одинцовский р-н, Московская обл.)

Заключение

При разработке образных решений современных православных храмов, основанных на применении архитектурных систем, относящихся к европейской стилистике XVIII–XIX вв., отметим следующие тенденции:

- поиск общности истоков архитектуры западной и восточной христианских церквей;
- применение и дальнейшая разработка в русле современных функциональных и технологических требований объемно-планировочных композиций храмов, единых для русского средневековья и архитектуры начала XVIII – середины XIX в.;
- упрощение и геометризация ордерных архитектурных форм и декора с учетом возможности их успешной реализации современным строительным комплексом;
- историко-архитектурное обоснование применения стилистики российской архитектуры начала XVIII – середины XIX в. для каждого из проектируемых объектов.

Целесообразность применения неоклассицизма (необарокко) в настоящее время облегчается тем, что данная архитектурная система – единственная, основанная на «исторических» стилях, развитие которой полностью

не прерывалось на протяжении XX в., что косвенно подтверждает приведенное в настоящей статье утверждение об исключительной жизнеспособности заложенных в классике основ. Рассматриваемое нами направление в архитектуре храмов при дальнейшем осмыслении «западноевропейской» стилистики в русле российского храмостроения продолжит традиционный для России исторический пласт церковной архитектуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Борисов, С.В.* Традиции и новаторство в современном храмостроении / С.В. Борисов // Приволжский научный вестник. – 2013. – № 4(20). – С. 92–97.
2. *Борисов, С.В.* Особенности проектирования сельских храмов в средней полосе России / С.В. Борисов. – М. : Техномаш, 2008. – 146 с.
3. *Зубова, М.В.* История архитектуры Византии и Западной Европы. Средние века / М.В. Зубова. – М. : Университетская книга, 2011. – 304 с.
4. *Бусева-Давыдова, И.А.* К проблеме канона в православном храмостроении / И.А. Бусева-Давыдова // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования / отв. ред. И.А. Бондаренко. – М. : УРСС, 2004. – С. 61–72.
5. *Памятники архитектуры Московской области.* Иллюстрированный научный каталог / под общ. ред. Е.Н. Подъяпольской. – Вып. 1. – М. : Стройиздат, ГУП МО «МОК центр», 1998. – 287 с.
6. *Зеньковский, В.* Апологетика / В. Зеньковский. – М. : Лепта-Пресс, 2004. – 543 с.
7. *Таруашвили, Л.И.* Мимесис и тектоника в системе эстетических воззрений Витрувия / Л.И. Таруашвили // Предмет архитектуры: искусство без границ / сост. И.Н. Слюнькова. – М. : Прогресс-Традиция, 2011. – С. 38–49.
8. *Тальберг, Н.Д.* История Русской Церкви / Н.Д. Тальберг. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 960 с.
9. *Чертежи А.Н. Вороникина.* Коллекция музея архитектуры. – М. : Изд-во всесоюзной академии архитектуры, 1938. – 136 с.
10. *Путятин, И.Е.* Образ русского храма и эпоха Просвещения / И.Е. Путятин. – М. : Гнозис, 2009. – 416 с.
11. *Герасимов, Ю.Н.* История архитектуры Западной Европы и США Нового и Новейшего времени / Ю.Н. Герасимов. – М. : Университетская книга, 2012. – 272 с.
12. *Борисов, С.В.* Архитектурные особенности действующих храмов, предназначенных для размещения объектов культурного наследия, переданных из музеев / С.В. Борисов // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2011. – № 7(54). – С. 28–33.
13. *Борисов, С.В.* Современный подход к обеспечению сохранности объектов культурного наследия / С.В. Борисов // Наука и технологии в промышленности. – 2011. – № 4. – С. 124–126.

REFERENCES

1. *Borisov S.V.* Traditsii i novatorstvo v sovremennom khramostroenii [Tradition and innovation in modern temple construction]. *Privolzhskii Nauchnyi Vestnik*. 2013. No. 4(20). Pp. 92–97. (rus)
2. *Borisov S.V.* Osobennosti proektirovaniya sel'skikh khramov v srednei polose Rossii [Design techniques of rural churches in central Russia]. Moscow : Technomash Publ., 2008. 140 p. (rus)
3. *Zubova M.V.* Istoriya arkhitektury Vizantii i Zapadnoi Evropy. Srednie veka [History of architecture in Byzantium and Western Europe. Middle Ages]. Moscow : Universitetskaya Kniga Publ., 2011. 304 p. (rus)
4. *Buseva-Davydova I.A.* K probleme kanona v pravoslavnom khramostroenii [Canon problem in Orthodox temple construction] // Christian architecture. New materials and studies. Ed. I.A. Bondarenko. Moscow : URSS Publ., 2004. Pp. 61–72. (rus)

5. *Pamyatniki arkhitektury Moskovskoi oblasti*. Illyustrirovannyi nauchnyi katalog [Architectural Monuments of Moscow region. Scientific illustrated catalog]. Ed. Pod"yapol'skaya E.N. V. 1. Moscow : Stroyizdat, 1998. 287 p. (rus)
6. *Zen'kovskii V.* Apologetika [Apologetics]. Moscow : Lepta-Press, 2004. 534 p. (rus)
7. *Taruashvili L.I.* Mimesis i tektonika v sisteme esteticheskikh vozzrenii Vitruviya [Mimesis and tectonics in aesthetic views of Vitruvius]. In: Subject of architecture: art without borders. Originated by I.N. Slyunkova. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2011. Pp. 38–49. (rus)
8. *Tal'berg N.D.* Istoriya Russkoi Tserkvi [Russian Church History]. Moscow : Sretenskii monastyr' Publ., 2008. 960 p. (rus)
9. *Chertezhi A.N.* Voronikhina. Kolleksiya muzeya arkhitektury [Drawings of A.N. Voronikhin. Collection Museum of Architecture]. Moscow : All-Union Academy of Architecture Publ., 1938. 136 p. (rus)
10. *Putyatin I.E.* Obraz russkogo khrama i epokha Prosveshcheniya [The image of Russian church and the Age of Enlightenment]. Moscow : Gnosis Publ., 2009. 416 p. (rus)
11. *Gerasimov Yu.N.* Istoriya arkhitektury Zapadnoi Evropy i SShA Novogo i Noveishego vremeni [Modern and contemporary history of architecture of Western Europe and the United States]. Moscow : Universitetskaya Kniga Publ., 2012. 272 p. (rus)
12. *Borisov S.V.* Arkhitekturnye osobennosti deistvuyushchikh khramov, prednaznachennykh dlya razmeshcheniya ob"ektov kul'turnogo naslediya, peredannykh iz muzeev [Architectural peculiarities of existing temples designed for cultural heritage objects taken from museums]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Irkutsk, 2011. No. 7(54). Pp. 28–33. (rus)
13. *Borisov S.V.* Sovremenniy podkhod k obespecheniyu sokhrannosti ob"ektov kul'turnogo naslediya [Modern approach to preservation of cultural heritage]. *Nauka i tekhnologii v promyshlennosti*. 2011. No. 4. Pp. 124–126. (rus)